

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 903.22

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-03)

EDN: SEOAAE

ПАНЦИРНЫЕ ПЛАСТИНЫ С УМБОНАМИ ИЗ «КЛАДА» ВЕЩЕЙ В ПЕЩЕРЕ ТИГИРЕК-3 (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)

**Вадим Владимирович Горбунов^{1*}, Кирилл Юрьевич Кирюшин²,
Дмитрий Викторович Кузменкин³**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; vadingorbulnov67@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
kirill-kirushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>

³Государственный природный заповедник «Тигирекский», Барнаул, Россия;
kuzmenckin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5003-1249>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Исследуется коллекция археологических предметов, случайно обнаруженных в одной из пещер в окрестностях с. Тигирек (Горный Алтай). Приводится подробное описание формы и конструкции предметов оборонительного вооружения и сопутствовавших им орудий труда. Представление о них дополняется приводимыми размерами, графическими рисунками и фотографиями. Особое внимание уделено редким элементам доспеха — панцирным пластинам, оформленным умбомом. Рассматриваются аналогии таким пластинам и их типологическое развитие на просторах Евразии. Дается реконструкция системы крепления этих деталей панциря. Определяется назначение охотничьих и землекопных орудий. В целом анализ вещевого комплекса позволяет включить «клад» из Тигирека-3 в круг памятников позднетюркского времени и датировать X–XI вв. н.э. Судя по составу и сохранности вещей данный «клад» содержал достаточно сложные железные изделия, предназначенные как для военной, так и для промысловой деятельности, уже бывшие в употреблении. Можно предположить, что он был оставлен в пещере с ритуальной целью, например как подношение богам или духам.

Ключевые слова: Алтай, пещерный комплекс, оборонительное вооружение, орудия труда, конец раннего средневековья

Для цитирования: Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В. Панцирные пластины с умбонами из «клада» вещей в пещере Тигирек-3 (Северо-Западный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №4. С. 48–64. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-03)

ARMOR PLATES WITH UMBOS FROM THE “TREASURE” OF THINGS IN THE TIGIREK-3 CAVE (NORTH-WESTERN ALTAI)

Vadim V. Gorbunov^{1*}, Kirill Yu. Kiryushin², Dmitry V. Kuzmenkin³

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

vadingorbunov67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>

²Altai State University, Barnaul, Russia;

kirill-kirushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>

³Tigiretsky State Nature Reserve, Barnaul, Russia;

kuzmenckin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5003-1249>

*Corresponding Author

Abstract. A collection of archaeological objects accidentally discovered in one of the caves in the vicinity of the village of Tigirek (the Altai Mountains) is studied. A detailed description of the form and design of defensive weapons and accompanying tools is provided. The idea of them is supplemented by the given dimensions, graphic drawings and photographs. Particular attention is paid to rare elements of armor — armor plates decorated with an umbo. Analogies to such plates and their typological development in the vastness of Eurasia are considered. A reconstruction of the fastening system for these armor parts is given. The purpose of hunting and digging tools is determined. In general, the analysis of the artifact complex allows us to include the “treasure” from Tigirek-3 in the circle of the sites of the late Turkic period and dated to the 10th–11th centuries AD. Judging by the composition and state of preservation of the items, this “treasure” contained fairly complex iron products intended for both military and hunting activities, which had already been in use. It can be assumed that it was left in the cave for a ritual purpose, for example, as an offering to gods or spirits.

Keywords: Altai, cave complex, defensive armament, tools, end of the early Middle Ages

For citation: Gorbunov V.V., Kiryushin K.Yu., Kuzmenkin D.V. Armor Plates with Umbos from the “Treasure” of Things in the Tigirek-3 Cave (North-Western Altai). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* = *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(4):48–64. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-03)

Введение

Находки предметов оборонительного вооружения достаточно редкое явление в археологии Алтая. Обычно при раскопках памятников или при сборах на местности встречаются отдельные панцирные пластины, полосы из них, фрагменты панцирей и крайне редко целые панцири, единичны и другие виды доспеха — шлемы, щиты, попоны (Горбунов, 2003, с. 30, табл. I–II; Лихачева, 2020, с. 103, табл. 10). Поэтому любые новые материалы данной категории существенно расширяют наши знания о разнообразии использовавшихся защитных средств и их оперативное введение в научный оборот представляется актуальной задачей.

Несколько панцирных пластин недавно были обнаружены в северо-западной части Горного Алтая. Они входили в состав своеобразного небольшого «клада» предметов, оставленного в пещере Тигирек-3.

Пещера Тигирек-3 (другие названия: Тигирекская-3, Улитка), расположена в Краснощековском районе Алтайского края в окрестностях с. Тигирек на правом берегу р. Иня (рис. 1.-1). Пещера имеет следующие координаты: 51°09'25,59" с.ш.; 83°02'40,91" в.д. Она была обнаружена спелеологами Томского госуниверситета в 1969 г. (Вистингаузен, 2019). Для этой пещеры в разных публикациях приводятся различающиеся характеристики: одни исследователи указывают, что ее длина составляет 22 м, площадь — 44 м², объем — 286 м³ (Цыкин, Цыкина, Черняева, 1979; Вистингаузен, 2019), а другие, при сходной длине — 29 м, площадь пещеры определяют на порядок больше — 200 м², а объем — 530 м³ (Аникин и др., 2010). В ходе обследования 2023 г. Д.В. Кузменкиным уточнено, что пещера Тигирек-3 соответствует описанию последней из приведенных работ.

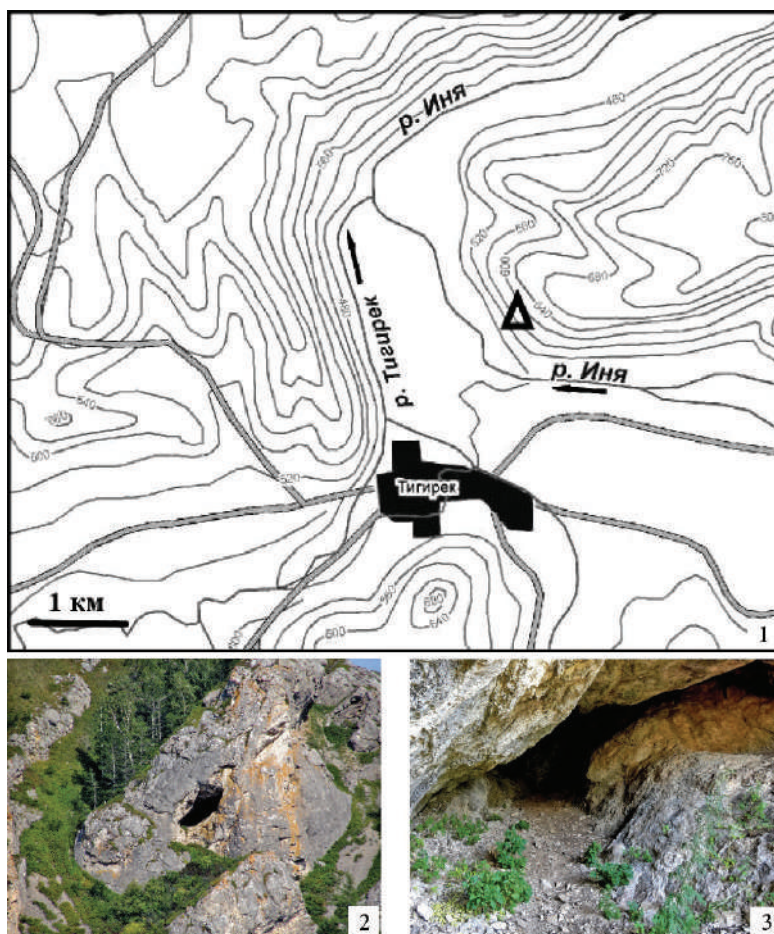

Рис. 1. Тигирек-3: 1 — карта с местом расположения памятника; 2 — вид на вход в пещеру;
3 — ближайшая к входу часть пещеры

Fig. 1. Tigirek-3: 1 — map of the site location; 2 — view of the entrance to the cave;
3 — the part of the cave closest to the entrance

Вход в пещеру Тигирек-3 располагается в одном из скальных выступов правого борта долины р. Ини примерно в 80 м над уровнем реки (рис. 1.-2). Он обращен на юго-запад и хорошо заметен при подходе к с. Тигирек со стороны моста через Большой Тигирек. Пещера представляет собой спирально изогнутую в плане просторную галерею, полого наклоненную к выходу и осложненную выступами стен (рис. 1.-3). Пещера сухая, пол ее в средней и дальней части составляют рыхлые отложения.

Археологические находки были сделаны 26 июля 2023 г. при отборе пробы грунта с целью изучения ископаемой малакофауны. Все предметы найдены в одном месте (участок примерно 30×30 см) — в 15 м от входа, у основания северной стены галереи, в поверхностном (0–5 см) слое грунта. Всего здесь обнаружено 15 железных изделий.

Эти материалы были изучены авторами, сделаны их фотографии и рисунки (рис. 2–6). В процессе этой работы уточнены детали, касающиеся атрибуции изделий тигирекской коллекции, а поиск аналогий позволил определить ее датировку и культурное окружение. Публикация полученных результатов и составляет цель настоящей статьи.

Описание и анализ материалов

Из 15 железных предметов, найденных в пещере Тигирек-3, часть относится к комплексу вооружения, а часть можно отнести к орудиям труда.

Вещи, составляющие комплекс вооружения, более многочисленны, но сохранились хуже. Они принадлежат категории доспеха и представлены таким его видом, как панцирь. Это не целое изделие, а лишь набор из нескольких пластин разной степени повреждения. Среди них было 19 отдельных фрагментов, 14 из которых подобрались между собой. В результате удалось восстановить четыре почти целые пластины (рис. 2.-1, 4, 10–11) и восемь неполных. У трех из них сохранилась преимущественно верхняя часть (рис. 2.-2–3, 5), еще у трех — нижняя часть (рис. 2.-7–9), а у двух — средняя часть (рис. 2.-6, 12). Таким образом, всего можно реконструировать 12 пластин (рис. 3).

Все они относятся к изделиям общей прямоугольной формы, с прямым нижним и верхним краем, хотя у некоторых экземпляров заметно небольшое скругление или сужение верхней части (рис. 2.-3, 5, 10). Одна из длинных сторон пластин в нижней трети имеет дуговидный выступ, который образован за счет того, что здесь находится выпуклая полусфера — умбон, диаметром 1 см. Противоположная сторона оформлена волнистыми вырезами. У большинства экземпляров они мелкие, чаще со скругленными и реже приостренными гребнями. Судя по полным изделиям число таких гребней около семи (рис. 2.-1, 4, 11), но разрушения краев затрудняют точный подсчет. Лишь у одного экземпляра более четко выражено четыре гребня (рис. 2.-10).

Пластины в продольной и поперечной плоскости слегка профилированы, их толщина до 1,5 мм. В них пробиты округлые отверстия диаметром до 2 мм. Все экземпляры имеют повреждения, многие из которых приходятся на места отверстий и края пластин (рис. 2–3). По числу отверстий и расположению декоративных деталей можно выделить три варианта пластин.

Рис. 2. Тугурек-3: 1–12 — детали доспеха
 Fig. 2. Tigirek-3: 1–12 — armor details

К первому варианту относятся изделия с 11 отверстиями, умбоном слева и волнисто-вырезным краем справа. Это одна целая пластина, длиной 8,7 см, средней шириной 2,1 см, шириной в месте выступа 2,3 см. Ее отверстия образуют следующую систему: три вертикальные боковые пары, вертикальная срединная верхняя пара, одно срединное центральное и горизонтальная нижняя (окантовочная) пара. По правой стороне расположены две пары боковых отверстий: одна в верхней трети, другая — в нижней трети пластины, напротив умбона. На левой стороне имеется одна пара боковых отверстий в верхней трети пластины, напротив такой же правой пары (рис. 2.-1; 3.-1). Сюда можно отнести также фрагмент верхней части пластины, обломанный по центральному отверстию. Его размеры 5,4×2,1 см (рис. 2.-2; 3.-2). И более условно — еще одну верхнюю часть пластины, сохранившую шесть отверстий, размерами 3,7×2 см (рис. 2.-3; 3.-3).

Ко второму варианту относятся изделия с 10 отверстиями, умбоном слева и волнисто-вырезным краем справа. Здесь также есть целая пластина размерами 8,7×2,1–2,4 см. Ее отверстия образуют пары, аналогичные первому варианту. Отличие заключается в отсутствии срединного центрального отверстия (рис. 2.-4; 3.-4). Еще пять пластин представлены фрагментами: один — от верхней части, размерами 6×2,3 см (рис. 2.-5; 3.-5), один — от средней части, размерами 4,6×1,8 см (рис. 2.-6; 3.-6), три — от нижней части, соответственно размерами 6,4×2,2–2,4 см (рис. 2.-7; 3.-7), 4,2×2,2–2,4 см (рис. 2.-8; 3.-8), 4,2×1,8–2 см (рис. 2.-9; 3.-9).

К третьему варианту относятся изделия с 10 отверстиями, умбоном справа и волнисто-вырезным краем слева. Это две целые пластины размерами 8,4×2,1–2,4 см (рис. 2.-10; 3.-10) и 8,6×2,3 см (рис. 2.-11; 3.-11), а также фрагмент средней части пластины размерами 3,6×2,1 см (рис. 2.-12; 3.-12). Система их отверстий аналогична предыдущему варианту, но нижняя боковая пара и декоративные детали расположены зеркально.

Расстояние между боковыми отверстиями у пластин составляет 3–4 мм, между срединными верхними — 1–1,1 см, между окантовочными — 8–12 мм.

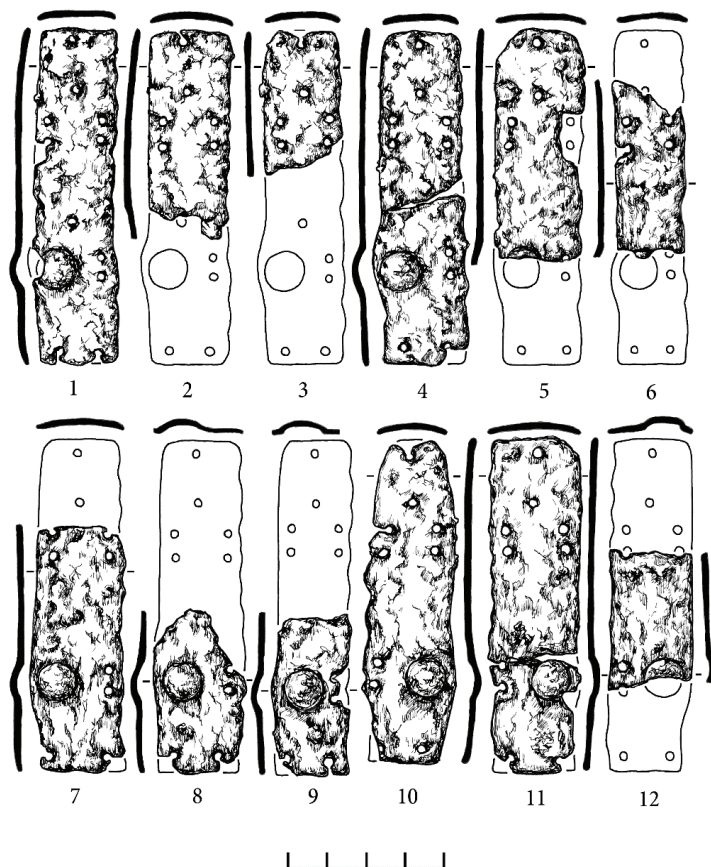

Рис. 3. Тугирек-3: 1–12 — панцирные пластины

Fig. 3. Tigirek-3: 1–12 — armor plates

Тигирекские пластины относятся к ламеллярной структуре бронирования, подразумевающей их соединение между собой при помощи ремешков через систему отверстий. У первого варианта представлена система из боковых, срединных (верхние и центральное) и окантовочных (нижних) отверстий (рис. 3.-1-3). Она впервые появляется у сяньби в начале IV в. н.э. и затем широко используется на просторах Евразии в раннем и развитом средневековье, сохраняясь в отдельных местах до XIX в. На Алтае пластины с этой системой зафиксированы в памятниках 2-й половины IV — XIV в. н.э. (Горбунов, 2003, с. 46–47). Второй и третий варианты имеют систему из боковых, срединных (верхних) и окантовочных (нижних) отверстий (рис. 3.-4–12), т.е. отличаются отсутствием центрального отверстия. Такая система более древняя и известна с III в. до н.э. в доспехах китайцев и хунну, а потом использовалась разными народами до XII в. н.э. На Алтае она была встречена в памятниках 2-й половины VII — 1-й половины X в. н.э. Если эти пластины присутствуют в одном наборе с пластинами сяньбийской системы, то они образуют в составе панциря самые нижние полосы (Горбунов, 2003, с. 50–51).

Исходя из сказанного можно реконструировать соединение тигирекских пластин. Они были направлены длинными сторонами по вертикали и сначала собирались в горизонтальные полосы путем частичного наложения друг на друга. Небольшой диаметр отверстий подразумевает, что их связывание осуществлялось довольно узкими ремешками. Глен от таких ремешков прослеживается во многих отверстиях (рис. 2).

Первыми, очевидно, соединялись верхние пары боковых отверстий пластин. У прилегающих краев они совмещались по отверстиям, и одна перекрывала другую в среднем на 8 мм. Ремешок продевался в эти отверстия, образуя с лицевой стороны короткие вертикальные стежки, а с тыльной стороны — более длинные диагональные стежки. У одной пластины хорошо сохранился след от вертикального лицевого ремешка (рис. 2.-10), а у другой — частично след от диагонального тыльного ремешка (рис. 2.-4). Крепление нижних пар боковых отверстий производилось по тому же принципу. Отличие заключалось в том, что здесь у пластин была только одна пара. Ее короткий стежок с лицевой стороны полностью закрывался умбоном и не был виден.

Дополнительно нижней край каждой полосы скреплялся кантом, который делался из достаточно широкой кожаной ленты и перегибался через торцы пластин. Закрепление канта производилось ремешком через пары окантовочных отверстий. В результате образовывались чередующиеся горизонтальные стежки.

Соединение полос осуществлялось более длинным ремешком. Нижняя полоса могла перекрывать верхнюю в среднем на 1 см. Ремешок продевался через одиночные центральные и парные срединные отверстия по зигзагообразной схеме, образуя снаружи вертикальные стежки, а с изнанки — горизонтальные стежки с пробелами. Это обеспечивало подвижность панциря и позволяло полосам складываться в «гармошку». Все свободные окончания ремешков завязывались в узелок с изнанки полос.

Нами представлена наиболее простая модель соединения пластин, рассчитанная на то, что ремешки продевались в отверстия только один раз (рис. 4). Все ее элементы встречаются на Алтае среди фрагментов панцирей, хорошо сохранивших органику

(Кубарев, 2005, табл. 132; Тишкин, Горбунов, 2012, с. 56–57, рис. 2–4; Баркова, Горбунов, Тишкин, 2012, с. 99–100, рис. 1).

Расположение умбона предполагает, что перекрытие тигирекских пластин происходило в разных направлениях. У девяти из них справа налево (рис. 3.-1–9), у трех — наоборот, слева направо (рис. 3.-10–12). Эта разница могла реализовываться в отдельных полосах, но могла и совмещаться в одной полосе, когда разнонаправленные пластины расходились от центра к краям (рис. 4). Например, как это наблюдается у части полос ламеллярной кирасы из Висби, найденной в коллективном погребении на месте битвы 1361 г. (Thordeman, 1940, pl. 134.-4, 145.-F–H). Следует отметить, что только у центральной пластины был виден волнисто-вырезной край снаружи (рис. 4.-1), тогда как у всех остальных он был с изнанки (рис. 4.-2).

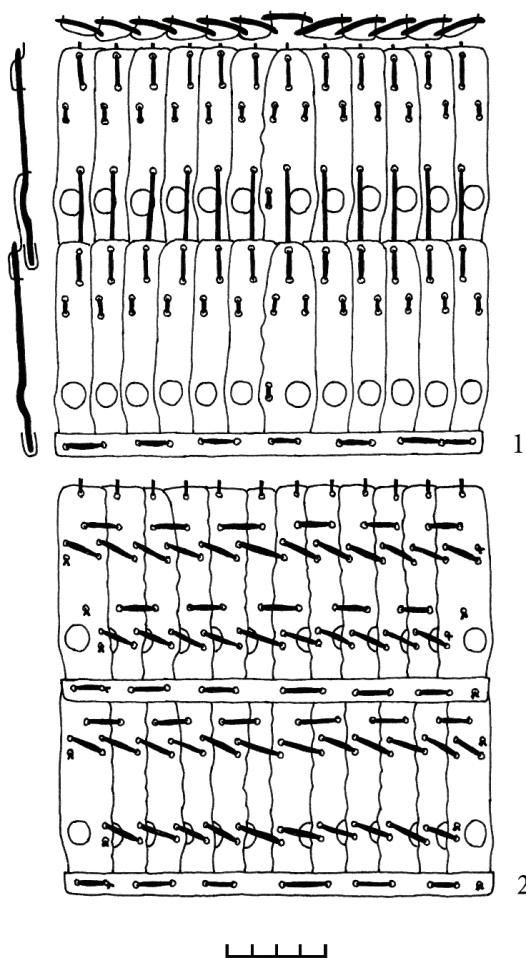

Рис. 4. Реконструкция соединения пластин в составе панциря: 1 — лицевая сторона;
2 — тыльная сторона

Fig. 4. Reconstruction of the connection of plates in the armor: 1 — front side; 2 — back side

Общая прямоугольная форма тигирекских пластин глубоко традиционна для ламеллярного доспеха. На Алтае в железном материале она известна со II в. до н.э. по середину XI в. н.э. (Горбунов, 2003, с. 45–48, рис. 33; Лихачева, 2020, с. 108, рис. 64). Такая декоративная деталь, как волнисто-вырезная сторона, зафиксирована у племен Алтая в памятниках 2-й половины IV — 1-й половины VII в. н.э. (Горбунов, 2003, с. 48–49, рис. 10.-14; 18.-1–3; 2013, с. 22, рис. 1.-15–23). Находки подобных пластин в других районах Евразии датируются VI–XIII вв. н.э., а их изображения — IV–XIV вв. н.э. (Горбунов, 2013, с. 28).

Другая декоративная деталь, умбон, фиксируется у ламеллярных пластин Средней Азии во II/III–V вв. н.э., а затем стала известной от Центральной Азии до Восточной Европы и бытовала по XIII в. н.э. (Горбунов, 2003, с. 48; 2013, с. 27). Весь этот период преобладали пластины, украшенные одним умбоном. Он располагался посередине изделия, часто ближе к его верхнему краю. На Алтае такие экземпляры найдены в памятниках тюркской культуры 1-й половины VIII в. н.э. (Горбунов, 2013, с. 23–24, рис. 1.-28–30, 33). Однако кроме одноумбонных пластин в X–XIII вв. н.э. существовали элементы бронепокрытия, украшенные двумя умбонами, которые были смещены к одной из длинных сторон изделия. Они известны у кыргызов Минусинской котловины и на Руси (Медведев, 1959, рис. 1.-11–12; 3.-2–4; Кызласов, 1983, табл. XXXIV.-15). Тигирекские пластины занимают как бы промежуточное положение. По наличию одного умбона они относятся к первой разновидности, но его размещение на краю длинной стороны изделия указывает на связь и со второй.

Ситуацию уточняет находка ламеллярного панциря из погребения на памятнике Озерки-I в Кузнецкой котловине. В его составе встречены обе разновидности пластин (Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, с. 141–143, рис. 42.-1–3, 41–44). Там, где два умбона, один находится в центре пластины, а другой — у ее края (Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, рис. 42.-1). Имеется также фрагмент, наиболее близкий тигирекским экземплярам. У него сохранилось две пары боковых отверстий и умбон с выступом за длинный край пластины (Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, рис. 41.-41). Наконец здесь же мы встречаем пластины с волнисто-вырезной стороной и ее сочетание в одном экземпляре с умбонами (Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, рис. 42.-1–2, 12, 21, 26, 42).

Могильник Озерки-I по инвентарному комплексу довольно уверенно датируется 2-й половиной X в. н.э. (Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, с. 23–24, табл. 2). Несмотря на преемственность по обряду кремации с предшествующей саратовской (по трактовке авторов публикации памятника — верхнеобской) культурой, по таким признакам обряда, как ингумация с конем, рамы-ограды и столбы вокруг и в изголовье могил, данный некрополь входит в круг памятников шадринцевского этапа сrostкинской культуры (2-я половина X — 1-я половина XI в. н.э.).

Учитывая рассмотренные аналогии и корреляцию признаков, можно датировать набор пластин из Тигирека-3 в узком плане X в. н.э., а в более широком — X–XI вв. н.э.

Орудия труда представлены тремя изделиями. Два предмета определяются как стрелы (болты) для охотничьего самострела. Первый из них, более крупных параметров, имеет однолопастное перо линзовидного сечения и треугольного абриса, от основания

которого отходят два шипа. Один из них обломан и значительно короче другого. Перо переходит в длинный стержневидный черешок прямоугольного сечения. В его нижней трети с одной стороны имеется пластинчатый выступ с овальным отверстием. У самого окончания черешок заметно сужается. Размеры изделия следующие: общая длина 24,9 см, длина пера 2,4 см, его ширина в основании 2,1 см, толщина пера до 4 мм, длина шипов 1–1,7 см, длина черешка 22,5 см, его ширина 4–9 мм, толщина 3–6 мм, диаметр отверстия 3×4 мм (рис. 5.-1; 6.-1).

Второе изделие также имеет стреловидный облик. У него однолопастное перо линзовидного сечения и треугольного абриса с прямым основанием. Одно лезвие пера повреждено выбоиной. Перо переходит в стержневидный черешок подпрямоугольного сечения. Его окончание загнуто в сомкнутое кольцо, образующее каплевидное отверстие. Параметры предмета такие: общая длина 12,6 см, длина пера 3 см, его ширина в основании 2,1 см, толщина пера до 3 мм, длина черешка 9,6 см, его ширина 2–6 мм, толщина 2–4 мм, диаметр отверстия 4×7 мм (рис. 5.-2; 6.-2).

Рис. 5. Тузирек-3: 1–3 — орудия труда

Fig. 5. Tigirek-3: 1–3 — working tools

Атрибуция данных вещей как стрелы от самострела опирается на этнографические параллели. Так, у селькупов бытовали массивные двушипные наконечники стрел, очень близкие первому предмету, которые назывались «туль-тище». Сообщается, что они использовались в самострелах, устанавливаемых на звериных тропах, и были рассчитаны на стрельбу с короткой дистанции (Гемуев, Соловьев, 1984, с. 48). Примечательно, что у этих наконечников есть либо отверстие в черешке, либо перехват на нем (Гемуев, Соловьев, 1984, рис. 4.-1–2). По назначению они, видимо, аналогичны отверстиям на тигирекских находках и могли служить для привязывания стрелы. Среди археологических материалов тигирекские экземпляры по общей форме пера, пожалуй, сопоставимы с наконечниками стрел усть-ишимской культуры лесного Прииртышья 2-й половины IX — XIII в. н.э. (Конилов, 1980, с. 71, рис. 2.-1–3).

Еще один предмет может быть определен как землекопный инструмент. Конструктивно он состоит из рабочей части — полотна и несущей части — втульчатого проуха, верх которого можно обозначить как невыделенный или плоский обух. Полотно спереди имеет трапециевидный абрис и заканчивается выпуклым секировидным лезвием, один край которого поврежден. Сбоку у него пальцевидный абрис. Прох сзади имеет подтреугольные очертания, с тыльной стороны — округлые. Втулка при виде сбоку напоминает весьма неровную трапецию, а при виде сверху — ближе к прямоугольнику, одна сторона которого заметно вогнута. Внутри отверстия сверху стенка втулки образует небольшой наклон, а внизу имеет заметный изгиб. Видимо, деревянная рукоять, вставлявшаяся в нее, находилась по отношению к полотну не под прямым, а немного под острым углом. Общая длина изделия 11 см, длина полотна 6,6 см, его ширина 4,4–6,5 см, наибольшая толщина 1,6 см, размеры проуха спереди 3×3,7 см, с тылу его диаметр 3,2 см, наибольшая длина втулки 6 см, ширина 4,4–4,8 см, толщина стенок 5–8 мм (рис. 5.-3; 6.-3).

Среди археологических памятников Алтая аналогичные предметы нам не известны, но их прототипы есть в Средней Азии. Это находки из Кобадияна (IV–V вв. н.э.) и Согдианы (VII–VIII вв. н.э.). У них похожее полотно, расположенное в поперечной плоскости к рукояти, и проух с плоским обухом, но нет втулки (Распопова, 1980, рис. 36.-20; Седов, 1987, табл. V.-3). Дальнейшим развитием этой конструкции являются изделия с выделенной втулкой, близкие тигирекской находке. Они встречаются на памятниках Северо-Восточного Семиречья X–XIII вв. н.э. и усть-ишимской культуры лесного Прииртышья 2-й половины IX — XIII в. н.э. (Савельева, Зиняков, Воякин, 1998, табл. 9.-1399; Финно-угры..., 1987, табл. LXXXIII.-29).

Данные вещи определяются исследователями по-разному. Так, среднеазиатские изделия называются «теша» и трактуются как проушные тесла для деревообработки, но при этом не исключается их применение для работы с землей по принципу кетменя или мотыги (Распопова, 1980, с. 59; Седов, 1987, с. 64–65; Савельева, Зиняков, Воякин, 1998, с. 40). Западносибирские изделия называются «куштан» и считаются мотыгообразными орудиями (Финно-угры..., 1987, с. 197). Отметим, что предметы, практически идентичные тигирекскому инструменту, до сих пор используются в Таджикистане, в том числе при археологических раскопках, и весьма эффективны против плотного грунта. Это позволяет относить и нашу находку прежде всего к землекопным орудиям труда.

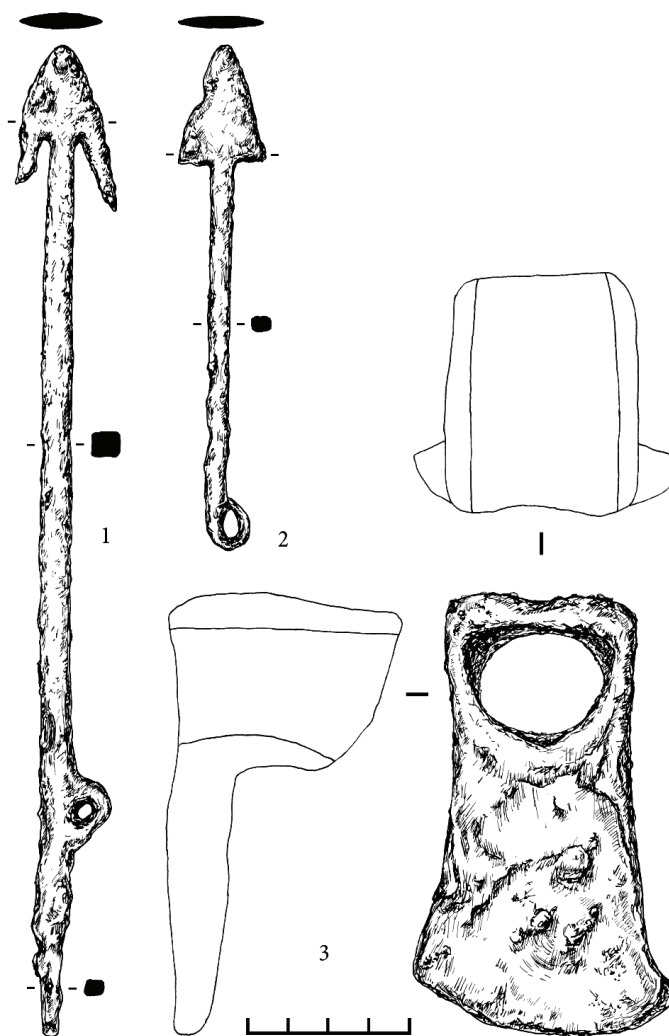

Рис. 6. Тигирек-3: 1–2 — болты охотничьего самострела; 3 — землекопный инструмент

Fig. 6. Tigirek-3: 1–2 — hunting crossbow bolts; 3 — digging tool

Обсуждение результатов

Приведенные аналогии позволяют датировать публикуемый вещевой комплекс X–XI вв. н.э. Определяющей является установленная хронология панцирных пластин, тогда как орудия труда могли существовать без заметных изменений до этнографической современности.

Компактное расположение предметов в пещере, их одинаковая степень и цветность коррозии указывают на то, что все вещи положены одновременно. Изделия эти не новые, а бывшие в употреблении. Об этом говорят следы повреждений, имеющиеся на всех предметах, но это не преднамеренная порча вещей, а их износ в процессе экс-

плуатации. Данный комплекс не является кладом в прямом смысле слова и люди, оставившие его, не предполагали дальнейшего использования этих вещей.

К пещере Тигирек-3 ведет довольно крутой подъем (рис. 1.-2). Она не имеет ровной предвходовой площадки, удобной для длительного проживания человека. Как уже отмечалось выше, пещера представляет собой спирально изогнутую в плане просторную галерею, полого наклоненную к выходу и осложненную выступами стен (рис. 1.-3). В принципе данная пещера, как и любая другая, может рассматриваться как кратковременное жилище или убежище от непогоды. Археологические исследования в пещере Тигирек-3 не проводились и находки сделаны случайно в процессе отбора пробы грунта с целью изучения ископаемой малакофауны. Они лежали практически на поверхности, т.е. на полу. Самое простое объяснение — их могли просто забыть в результате разового посещения. Однако учитывая, что это достаточно сложные железные изделия, часть из которых еще вполне годилась для применения (особенно орудия труда), более логично предположить ритуальное происхождение тигирекского «клада». Артефакты могли быть оставлены в пещере как подношение богам, духам.

Следы подобных культовых практик зафиксированы в процессе исследования Тавдинского грота на территории особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» (Алтайский район Алтайского края). Некоторая часть артефактов в Тавдинском гроте была преднамеренно оставлена как подношение богам, духам. «В этом отношении очень показательна находка ножа из слоя 2А Тавдинского грота, у которого изогнуто лезвие и сломан кончик. Это не что иное, как следы преднамеренной порчи, связанной с обрядом убийства вещи (предмета)» (Кирюшин и др., 2013, с. 107, рис. 50). На тигирекских находках нет следов преднамеренной порчи, но в результате имеющихся разрушений из-за эксплуатации они могли приравняться к таковому.

В процессе исследования Айдашинской пещеры (парковая зона, г. Ачинск, Красноярский край) обнаружено более 1500 артефактов (наконечники стрел, бляшки, пряжки, украшения, зеркала, разнообразные предметы), многие из которых являются образцами декоративно-прикладного искусства и представляют различные эпохи и археологические культуры в широком интервале, начиная от неолита и до средневековья (Молодин, 2006, с. 56–57). Как отмечает В.И. Молодин (2006, с. 53), «пещера была вовлечена в обрядовую практику людей, обладавших принципиально разным менталитетом, разной системой культов и обрядов». О степени вовлеченности пещеры Тигирек-3 в обрядовую деятельность местного населения можно будет судить только после археологических раскопок на данном памятнике. Однако найденные вещи определенно указывают на военную и промысловую деятельность, с которыми было связано оставленное подношение.

В научной литературе уже упоминалось о повсеместном представлении коренного населения Сибири о том, что пещеры — вход в нижний, темный мир. «Причем вход нереальный, иначе карстовые полости никогда бы не использовались ни в качестве жилья, ни в качестве временных загонов для скота» (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 41). На данном этапе исследования можно сделать вывод, что артефакты, обнаружен-

ные в пещере Тигирек-3, преднамеренно были оставлены в ней как подношение богам или духам нижнего, темного мира.

Заключение

Хронология вещевого комплекса из пещеры Тигирек-3 определяются нами X–XI вв. н.э. Это самое окончание раннего средневековья, называемое также позднетюркским временем. На Алтае в это время существовали три этнокультурные общности: тюркская — в горной части, кыргызская — в горной части и предгорной зоне, сrostкинская (тюрко-самодийская) — в лесостепной части и предгорьях. Все они имели очень близкую материальную культуру, и подношение в пещере Тигирек-3 могло быть оставлено представителями любой из этих общностей.

Облик панцирных пластин указывает на тюркскую традицию, в плане декора испытывавшую среднеазиатское влияние. Однако на позднем этапе она могла развиваться и в рамках сrostкинского объединения, ведущим компонентом которого являлся тюркский этнос. Морфология землекопного орудия указывает на среднеазиатскую традицию, которая могла быть занесена на Алтай как тюрками, так и кыргызами, а попасть в таежную зону Западной Сибири через посредничество сrostкинского населения. Оформление охотничьих стрел, наоборот, говорит о традициях лесного западно-сибирского населения. Их проникновение на Алтай опять же можно связать с посреднической ролью племен сrostкинской культуры.

Ближайшим раннесредневековым археологическим памятником к пещере Тигирек-3 является могильник Чинета-II, где изучены курганы кыргызов и сrostкинской культуры. Более предпочтительной представляется все же сrostкинская атрибуция тигирекского комплекса.

Обстоятельства находки заставляют воздержаться от окончательного вывода о характере памятника, но очень похоже, что в данном случае артефакты были оставлены в пещере как подношение богам, духам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аникин Д.А., Вистингаузен В.К., Горбатова О.Н., Иванченко В.Г., Поздеева Л.А. Итоги изучения Тигирекских пещер // Краеведение и туризм. Барнаул : АлтГПА, 2010. С. 296–304.

Баркова Л.Л., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые панцирные пластины с территории Алтая из коллекции П.К. Фролова // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 99–103.

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII — первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово : ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Вистингаузен В.К. Пещеры Тигирека — итоги изучения от Палласа до наших дней (1771–2009) // Труды Тигирекского заповедника. 2019. Вып. 11. С. 16–42.

Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1984. С. 39–55.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Пластины тюркского ламеллярного доспеха // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 22–30.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология нижнетыткескенской пещеры 1 (Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие «Бирюзовой Катуни» (опыт интеграции в сферу туризма). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 222 с.

Коников Б.А. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 68–78.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири, X–XIV вв. М. : Наука, 1983. 128 с. (САИ, ЕЗ-18).

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул : ИП Колмагоров И.А., 2020. 304 с.

Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. 1959. №2. С. 119–134.

Молодин В.И. Меч Каролингов. Новосибирск : Инфолио, 2006. 142 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л. : Наука, 1980. 139 с.

Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья (по материалам городищ Талгар, Алматы). Алматы : Гылым, 1998. 128 с.

Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М. : Наука, 1987. 198 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. н.э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 55–59.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. 510 с. (Археология СССР).

Цыкин Р.А., Цыкина Ж.Л., Черняева К.П. Каталог пещер и простых гротов // Пещеры Алтае-Саянской горной области. ВИНТИ. 1979 (деп.). №1875-79. С. 144–160.

Thordeman B. Armour from the battle of Wisby. 1361. Stockholm : Kungl vitterhets historie och-antikvitets akademien, 1940. Vol. II. 145 p.

REFERENCES

Anikin D.A., Vistingauzen V.K., Gorbatova O.N., Ivanchenko V.G., Pozdeeva L.A. Results of the Study of the Tigirek Caves. In: Local History and Tourism. Barnaul : AltGPA, 2010. Pp. 296–304. (*In Russ.*)

Barkova L.L., Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Medieval Armor Plates from the Altai Territory from the Collection of P.K. Frolov. In: History and Culture of Medieval Peoples of the Eurasian Steppe. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012. Pp. 99–103. (*In Russ.*)

Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., Onishchenko S.S. Kaltyshinsky Archaeological Microdistrict at the End of the 8th — First Half of the 11th Centuries AD: Nature and Culture (steppe Pri-salairye). Kemerovo : OFSET, 2012. 213 p. (*In Russ.*)

Wistingausen V.K. Tigirek Caves — Results of Study from Pallas to the Present Day (1771–2009). *Trudy Tigirekskogo zapovednika = Works of the Tigirek Reserve*. 2019;11:16–42. (*In Russ.*)

Gemuev I.N., Soloviev A.I. Selkup Arrows. In: Ethnography of the Peoples of Siberia. Novosibirsk : Nauka, 1984. Pp. 39–55. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Military Affairs of the Population of Altai in the 3rd–14th Centuries. Part I: Defensive Weapons (armor). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 174 p. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Plates of Turkic Lamellar Armor. In: Military Affairs of Medieval Peoples of Southern Siberia and Central Asia. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013. Pp. 22–30. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L., Stepanova N.F. Archaeology of the Nizhnetykesken Cave 1 (Altai). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. 150 p. (*In Russ.*)

Kiryushin K.Yu., Kiryushina Yu.V., Semibratov V.P., Kiryushin Yu.F., Gorbunov V.V. Historical and Cultural Heritage of the “Turquoise Katun” (experience of integration into the tourism sector). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. 222 p. (*In Russ.*)

Konikov B.A. Materials for the Characterization of the Weapons of the Middle Irtysh Population in the early Middle Ages. In: Archaeology of the Irtysh Region. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1980. Pp. 68–78. (*In Russ.*)

Kubarev G.V. The Culture of the Ancient Turks of Altai (based on materials from burial sites). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p. (*In Russ.*)

Kyzlasov I.L. Askiz Culture of Southern Siberia, 10th–14th Centuries. Moscow : Nauka, 1983. 128 p. (SAI, E3-18). (*In Russ.*)

Likhacheva O.S. Weapons and Military Affairs of the Population of the Forest-Steppe Altai in the Early Iron Age (the 8th–1st Centuries BC). Barnaul : IP Kolmagorov I.A., 2020. 304 p. (*In Russ.*)

Medvedev A.F. On the History of Plate Armor in Rus'. *Sovetskaya arheologiya = Soviet archaeology*. 1959;2:119–134 (*In Russ.*)

Molodin V.I. Sword of the Carolingians. Novosibirsk : Infolio, 2006. 142 p. (*In Russ.*)

Raspopova V.I. Metal Products of Early Medieval Sogd. Leningrad : Nauka, 1980. 139 p. (*In Russ.*)

Savelyeva T.V., Zinyakov N.M., Voyakin D.A. Blacksmith Craft of North-Eastern Semirechye (based on materials from the settlements of Talgar, Almaty). Almaty : Gylym, 1998. 128 p. (*In Russ.*)

Sedov A.V. Kobadian on the Threshold of the Early Middle Ages. Moscow : Nauka, 1987. 198 p. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Lamellar Armor of the 4th–5th Centuries AD from the Yaloman-II Archaeological Complex in Altai. In: History and Culture of Medieval Peoples of the Steppe in Eurasia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012. Pp. 55–59. (*In Russ.*)

Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1987. 510 p. (Archaeology of the USSR). (*In Russ.*)

Tsykin R.A., Tsykina Zh.L., Chernyaeva K.P. Catalogue of Caves and Simple Grottoes. In: Caves of the Altai-Sayan Mountain Region. VINITI. 1979 (dep.). No. 1875-79. Pp. 144–160. (*In Russ.*)

Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby. 1361. Stockholm : Kungl vitterhets historie och-antikvitets akademien, 1940. Vol. II. 145 p.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Горбунов В.В.: обработка, описание и анализ материалов, написание основного текста, подготовка иллюстраций, редактирование рукописи.

V.V. Gorbunov: processing, description and analysis of materials, writing the main text, preparing illustrations, editing the manuscript.

Кирюшин К.Ю.: идея публикации статьи, участие в написании текста, обсуждение результатов, редактирование рукописи.

K.Yu. Kiryushin: idea of publishing the article, participation in writing the text, discussion of the results, editing the manuscript.

Кузменкин Д.В.: обследование пещеры Тигерек-3, сбор материалов, участие в написании текста и подготовке иллюстраций.

D.V. Kuzmenkin: inspection of the Tigerek-3 cave, collection of materials, participation in writing the text and preparing illustrations.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Vadim V. Gorbunov, Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Кирюшин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Kirill Yu. Kiryushin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia.

Кузменкин Дмитрий Викторович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Государственного природного заповедника «Тигирекский», Барнаул, Россия.

Dmitry V. Kuzmenkin, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher at the Tigiretsky State Nature Reserve, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024;

одобрена после рецензирования 25.11.2024;

принята к публикации 29.11.2024.

The article was submitted 11.11.2024;

approved after reviewing 25.11.2024;

accepted for publication 29.11.2024.